

ОСМЫСЛЕНИЕ ГИБЕЛИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XV – XVII ВЕКА)

П. А. Воробьев

Республиканский институт высшей школы, г. Минск, Беларусь, wmd2013@mail.ru

Статья посвящена восприятию гибели Византийской империи в 1453 г. в письменной традиции Великого княжества Литовского и Московского государства. В результате анализа письменного наследия и современной историографии выявлены подходы к объяснению причин гибели, начиная от обвинений в адрес греков за их нежелание признать главенство папы римского и заканчивая слабостью власти византийских императоров. Особое внимание уделяется «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 г.». В сравнительном ключе рассмотрена тема восточнославянской рецепции наследия Византии.

Ключевые слова: гибель Византийской империи; Константинополь; Великое княжество Литовское; Московское государство; греки; наследие Византии.

REFLECTIONS ON THE DEATH OF THE BYZANTINE EMPIRE IN THE WRITTEN TRADITIONS OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AND MOSCOVIAN STATE (SECOND HALF OF XV–XVII CC)

P. Vorobyev

National Institute of Higher Education, Minsk, Belarus, wmd2013@mail.ru

The article is devoted to the perception of the death of the Byzantine Empire in 1453 in the written tradition of the Grand Duchy of Lithuania and Moscow State. As a result of the analysis of the written tradition and modern historiography, approaches to explaining the causes of death have been identified, ranging from accusations against the Greeks for their unwillingness to recognize the primacy of the Pope and ending with the weakness of the power of the Byzantine emperors. Particular attention is paid to «The Tale of the Capture of Constantinople by the Turks in 1453». The topic of the East Slavic perception of the Byzantine heritage is considered in a comparative way.

Keywords: the death of the Byzantine Empire; the Constantinople; the Grand Duchy of Lithuania; the Moscow State; the Greeks; the heritage of Byzantium.

Падение Константинополя (Царьграда) под ударами турок в 1453 г., означавшее гибель Византийской империи, является одним из наиболее значимых и знаковых событий всемирной истории. В историографии это событие рассматривается как один из рубежей между Средневековьем и Новым временем. В восточнославянской письменной традиции гибель Империи воспринималась неоднозначно и болезненно. Автор данной статьи ставит перед собой цель выявить разное и общее в двух подходах к осмыслению события 1453 г., свойственных письменной традиции Великого княжества Литовского и Московского государства, показать внутренние противоречия в каждом из подходов. Начнем с анализа традиции Княжества.

Осмысление события 1453 г. в Великом княжестве Литовском. В летописях Великого княжества Литовского сведений о падении Константинополя мало и все они имеют предельно краткий характер, что уже отмечали белорусские

историки [см.: 4, с. 42; 17, с. 213]. Так, в «Хронике Быховца» сообщается, когда пал Царьград и кто его завоевал [8, с. 197]. В «Волынской краткой летописи» падение объясняется «попущением Божиим» [11, с. 122]. Всплеск интереса к событию 1453 г. произошел в конце XVI в., когда в Великом Княжестве Литовском началась острая полемика вокруг Брестской церковной унии 1596 г., растянувшаяся на века.

Католический полемист Петр Скарга (поляк, значительно повлиявший на письменную традицию восточных славян Великого княжества Литовского), а также униатский полемист Лев Кревза падение Константинополя объясняли Божиим наказанием в отношении греков-византийцев за их нежелание признать главенство папы римского, преодолеть церковный раскол, причем такая критика изложена в Декларации унии 1596 г. [15, с. 63; 4, с. 71, 86]. В униатской полемической среде имели место и другие взгляды. Так, перешедший из православия в униатство митрополит Михаил Рагоза падение Константинополя также считал следствием отсутствия единства между христианами, однако обвинять в расколе греков не был склонен [4, с. 80].

Л. Кревза в качестве одной из предпосылок Божиего наказания в отношении греков считал господство византийских императоров в делах Восточной православной церкви. В силу этого господства греческое духовенство зачастую жертвовало своим христианским долгом в пользу имперских целей [15, с. 119]. Вопрос о первичности роли римских епископов и византийских императоров в жизни христианской Церкви периода семи Вселенских соборов был одним из краеугольных при обсуждении Брестской унии. По сравнению с католическими, униатскими и православными полемистами, протестантские писатели в обсуждении унии принимали участие в меньшей степени и отстаивали собственную позицию. Однако в письменной традиции протестантов Великого княжества Литовского и Речи Посполитой (на примере второй половины XVI в.) также присутствует взгляд на падение Империи как на следствие Божиего наказания в отношении греков. Но если в восприятии католических и отчасти униатских полемистов наказание было вызвано нежеланием греков признать главенство папы римского, то в протестантской среде Божие наказание объяснялось отступлением греков от Христа, их корыстолюбием и властолюбием [5, с. 151].

Одним из исключений является сочинение «Апокрисис» протестанта Мартина Броневского, изданное под псевдонимом «Христофор Филалет». Выступая против Брестской унии от имени православной руси, полемист защищает греков. Он опровергает распространенный среди католических полемистов аргумент, согласно которому захват Константинополя турками-мусульманами является свидетельством того, что греки-византийцы неуютны Богу, а их православная вера, в отличие от веры католической, не обладает полнотой Божественной Истины. Христофор Филалет по аналогии с Константинополем напоминает, что папский Рим давно пал под ударами варваров-германцев, однако католики считать свою веру истинной от этого не перестали [18, с. 1572]. Контраргумент Х. Филалета позднее использовал православный полемист Захария Копыстенский [15, с. 63]. Оба полемиста в защиту греков подчеркивали, что по словам Христа Его ученики всегда будут преследуемы [18, с. 1574; 20, с. 63–64; см. также: Евангелие от Матфея 24, 9].

Мнение Х. Филалета и З. Копыстенского созвучно позиции византийского историка Георгия Сфрандзи – современника 1453 г. Сфрандзи в защиту греков отмечал, что в истории народ Божий не раз оказывался политически поработленным [14, с. 181]. По замечанию белорусского философа Д. А. Смолякова, в представлении католических и униатских полемистов наличие у народа

собственного государства является Божиим даром, признаком Божиего благоволения к народу [15, с. 119]. Но в восприятии православного З. Копыстенского, распад государств исторически естественен и не зависит от признания или не признания народом конкретного государства главенства папы римского. Подтверждением этому являлся ряд современных Копыстенскому протестантских государств, не признававших истинность католичества и главенство папы римского [15, с. 123–124].

Православный полемист Клирик Острожский в защиту греков подчеркивал, что предшествовавшую церковной унии 1596 г. Флорентийскую унию 1439 г. православные делегаты подписали под принуждением, а патриарх Константинопольский Иосиф II ее вовсе не подписывал [6, с. 274–275]. Однако полемист признает, что Флорентийскую унию добровольно подписал император Иоанн VIII, ошибочно рассчитывая через унию получить от католиков военную помощь для борьбы с турками [6, с. 272, 275]. Помощи не последовало. Полемист убежден, что католики даже были рады трудному положению Константинополя [6, с. 275]. В своих размышлениях Клирик опирался на «Апокрисис» Х. Филалета [ср.: 18, с. 1548, 1550, 1558, 1560].

Православные полемисты не только защищали греков как единоверцев. Православная русь Великого княжества Литовского жила в несколько схожих с греками условиях. Привилегированное положение в Османской империи занимал ислам, а в Великом княжестве Литовском с конца XIV в. – католичество (униатство властями Княжества также поддерживалось). Сопrotивляясь распространению католичества и униатства, православные полемисты Княжества неизбежно шли вразрез с политикой государства. Главной задачей для них было сохранение веры. Соответствующим образом православные полемисты осмыслили падение Царьграда: греки утратили государство, но зато не утратили православную веру [15, с. 124]. Лишившись Империи, греки теперь могли сосредоточиться на духовном делании [4, с. 86].

Также и православный князь Василий-Константин Острожский, сам будучи противником Брестской унии и в то же время патриотом Великого княжества Литовского, ситуацию преследований в отношении православной руси, несогласной с унией, рассматривал как возможность воспрянуть от духовного сна [7, с. 107]. Белорусский филолог Л. В. Левшун отмечает, что князь выступал против свойственного идеологии католической Польши и православного Московского государства (добавим и Византийскую империю – *П. В.*) отождествления политического и духовного [7, с. 108].

Таким образом, осмысление гибели Византийской империи в рамках письменной традиции Великого княжества Литовского получило крайне незначительное отражение в летописании. Активизация осмысления началась в контексте межконфессиональной полемики вокруг Брестской унии. При общей оценке наследия Византии определяющее влияние на полемистов оказывала их конфессиональная принадлежность. Католический полемист Петр Скарга и униатский полемист Лев Кревза, осмысляя гибель православной Империи как доказательство неистинности православия, оценивали наследие Византии как негативное. Православные полемисты стремились защитить свою веру и греков-единоверцев, считали опыт 1453 г. тяжелым, но полезным для греков, освободившим их от нехристианских проявлений имперскости.

Осмысление события 1453 г. в Московском государстве. Научной проблеме наследия Византии применительно к истории России посвящена значительная историография. Для сравнения с малоизученной ситуацией в Великом

княжестве Литовском зададимся частным вопросом: как гибель Империи осмыслялась в письменной традиции Московского государства? Для получения ответа на вопрос первоочередно прибегнем к «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 г.» конца XV в. Источник особенно важен потому, что он был написан русским, свидетелем осады Царьграда – Нестором-Искандером. Советский литературовед М. О. Скрипиль считал Нестора единственным автором старшей редакции «Повести» [см.: 14, с. 182]. Вопрос авторства и целостности источника остается дискуссионным [ср: 16, с. 56, 61]. Американский византист В. Ханак предполагает, что Нестор происходил с земель Белой Руси, правда, не объясняя, что понимает под топонимом [21]. Но важно, что «Повесть» оказала большое влияние на последующую московскую книжность («Русский хронограф» 1512 г. и т. д.).

Нестор-Искандер в период написания «Повести» наверняка слышал об упреках в адрес православной веры, оказавшейся неспособной спасти константинопольских греков. В «Повести» устами неизвестного науке патриарха Афанасия произносятся примечательные слова молитвы о спасении Константинополя: «Не дай на поношение сыроядцам этим [туркам – *П. В.*] достояния своего, да не спросят они: “Где же Бог их”, – но да узнают, что ты – Бог наш, Господь Иисус Христос, во славу Богу-Отцу» [10, с. 249]. Слова особенно интересны в свете критического аргумента П. Скарги и Л. Кревзы. Примечательно также содержащееся в «Повести» предсказание о «русом роде» [10, с. 265]. Именно «русым», а не «русским» называется этот народ в самом раннем из известных списков «Повести» (список конца XV в, обнаруженный в XIX ст. в Троице-Сергиевой Лавре, он же – старшая редакция «Повести»). В 1953 г. советский историк Н. А. Смирнов высказал предположение, что автор названного списка под «русом родом», по предсказанию призванным освободить Царьград, подразумевал «русский народ» [16, с. 56]. Оснований так считать применительно к наиболее раннему списку «Повести» недостаточно. Предсказания о падении и освобождении Царьграда были популярны у греков до и после 1453 г. [см.: 19]. Предсказание же о «русом роде» греки приписывали василевсу Льву VII [3, с. 143].

Российский фольклорист И. А. Бессонов предполагает, что в византийской традиции под «русом родом» изначально имелись в виду крестоносцы, ворвавшиеся в Константинополь и разграбившие его в 1204 г. [1, с. 117]. В рамках периода до 1453 г. в отношении византийцев можно говорить об отрицательном восприятии ими «русого рода». В более поздних списках «Повести» (младшей редакции) «русый род» переписчики переосмыслили как «русский народ» – будущий освободитель Царьграда [14, с. 177]. Но открытое предъявление московскими правителями своих прав на Константинополь неминуемо повлекло бы за собой конфликт с Османской империей [13, с. 84–85]. И лишь в XVII в. идея освобождения Константинополя «русским народом» стала оказывать влияние на политику московских царей [9, с. 176].

В «Повести» тесно переплетены предсказания, демонстрирующие осознание константинопольскими греками неминуемости падения осажденного Царьграда, указания на равнодушие католических монархов к судьбе осажденного города [10, с. 237, 243–245, 249, 255, 257], проявления у греков религиозной надежды на спасение города [10, с. 225, 245]. Само сопротивление туркам греки считали борьбой за веру [10, с. 231, 245, 251].

В православном Московском государстве помнили, что греки незадолго до падения Константинополя официально утвердили Флорентийскую унию, и тем самым изменили православию. Сами греки утверждение унии императорами Иоанном VIII и Константином XI считали одной из причин последовавшего в

1453 г. Божиего наказания [2, с. 19], а в гибели Империи усматривали признак близкого Апокалипсиса [22, с. 269]. Мотив осознания жителями Царьграда своей греховности присутствует в «Повести» [10, с. 247].

В связи с гибелью православной Византийской империи Московскому государству предстояло определить для себя место в новой действительности [13, с. 82]. Состоявшееся в 1480 г. избавление от господства татар-мусульман способствовало усилению ощущения богоизбранности Московского государства, в письменной традиции которого предпринимаются попытки утвердить идею независимости своего процветания от трагического опыта Империи [9, с. 41–42, 175–176]. Эстонский филолог М. Б. Плюханова отмечает, что в то же время оказавший значительное влияние на московскую книжность старец Филофей подчеркивал неустойчивость положения (последнего независимого православного) Московского государства, так как оно стоит лишь силой Божией благодати, о чем напоминал опыт Империи [9, с. 49–50]. Острота памяти о гибели Империи в московской письменной традиции с 1560-х гг. смягчается тем, что наряду с Константинополем источником царственности Москвы становится город Казань [9, с. 186].

Первый московский царь и покоритель Казанского ханства (царства) Иван Грозный падение Византийской империи связывал не только с Божиим наказанием в отношении греков «грех ради наших, народа христианского», но также с происходившими процессами территориально-политической децентрализации, ослабления императорской власти [12, с. 151–153].

Таким образом, осмысление гибели Византийской империи в Московском государстве происходило в рамках осмысления себя преемником Империи, для которого крайне нежелательно повторение опыта 1453 г. Со времен взятия И. Грозным Казани на вооружение берется образ царя-победителя Мехмеда II, покорившего Царьград [9, с. 184–185].

Заключение. Письменная традиция Великого княжества Литовского развивалась в условиях подчинения Киевской православной митрополии патриарху константинопольскому, уделяя больше внимания вопросу его прав на русские земли Княжества, характеристике духовного облика православных греков, а также осмысляя гибель Империи с акцентом на церковное наследие Византии. Католическую государственную элиту Княжества опыт православной Империи интересовал мало либо вовсе не интересовал. Письменная традиция Московского государства развивалась в условиях автокефалии Московской Церкви, осмысляя опыт гибели Империи как гибель православного царства и примера самодержавия, делая акцент на государственном наследии Империи. Тем временем для восточных славян Великого княжества Литовского и Московского государства второй половины XV–XVII в. Византия стала общим местом исторической памяти.

Библиографические ссылки

1. Бессонов И. А. Легенды о падении царств в византийской и славянской литературной и фольклорной традиции // Традиционная культура. 2011. № 2. С. 109–118.
2. Гудзяк Б. А. Криза і реформа: Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії. Львів : Інститут історії церкви Львівської богословської академії, 2000.
3. Данилевский И. Н. Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? // Одиссей. Человек в истории. 1998. М. : Наука, 1999. С. 134–150.
4. Дзярнович О. И., Бырлэдяну В., Тимошенко Л. В. Сны о Византии? Место цивилизационного и культурного наследия Византии в регионе Пограничья Центрально-Восточной Европы. Вильнюс : ЕГУ, 2014.
5. Дмитриев М. В. «Византийская» тема в восточнославянской реформационной мысли второй половины XVI в. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир: Сборник. М. : Изд-во МГУ. 1991.

С. 141–154.

6. *Клірик Острозький* Історія о Листрикійском, то есть о разбойническом Ферарском, або Флоренском Синоде, вкоротцѣ правдиве списаная // Українська література XIV–XVI ст. Київ : «Наукова думка», 1988. С. 265–280.
7. *Левшун Л. В.* «Русская идея» в эпистолярном наследии князя Василия-Константина Острожского // *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб.* Вып. 13. Минск : РИВШ, 2020. С. 97–116.
8. *Летапісы і хронікі Вялікага Княства Літоўскага (XV–XVII стст.).* Мінск : Беларуская навука, 2015.
9. *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб. : Акрополь, 1995.
10. *Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г.* // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. М. : Худож. лит., 1982. С. 216–267.
11. *Полное собрание русских летописей. Т. 35. Летописи белорусско-литовские.* М. : Наука, 1980.
12. *Послание царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России ко князю Андрею Курбскому* // *Сказания князя Курбского.* СПб. : Типография императорской академии наук, 1868. С. 135–190.
13. *Салей С. М.* Канфесійнае пытанне у Вялікім княстве Літоўскім у кантэксце міжнародных адносін у XVI ст. // *Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: зб. навук. арт.* Гродна : ГрДУ, 2008. С. 80–91.
14. *Скрипиль М. О.* «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера // *Труды отдела древнерусской литературы.* 1954. Т. 10. С. 166–184.
15. *Смалякоў Д. А.* Сацыяльна-філасофскія погляды рэлігійных палемістаў у Беларусі канца XVI – сярэдзіны XVII стагоддзя. Мінск : Беларуская навука, 2020.
16. *Смирнов Н. А.* Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г. // *Византийский Временник.* 1953. Т. 7. С. 50–71.
17. *Федосик В. А.* Византия в исторической концепции «Русского хронографа» 1512 года // *Пічэнтаўскія чытанні–2019: Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі.* Мінск : БДУ, 2019. С. 212–217.
18. *Христофор Филалет* Апокрисис, албо отповедь на книжки о Соборе Берестейскомъ... // *Русская историческая библиотека.* 1882. Т. 7. С. 1003–1820.
19. *Чеснокова Н. П.* Пути освобождения греческого народа в представлениях поствизантийских и русских авторов // *Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византинистов.* М. : ИВИ РАН, 2004. С. 170–174.
20. *Яковенко Н. М.* Символ «Богохранимого града» у Київській пропаганді 1620–1640-х років // *Mediaevalia Ucrainica: ментальність та історія ідей.* 1995. Т. IV. С. 52–75.
21. *Hanak W.* Nestor-Iskender [Электронный ресурс] / W. Hanak // *Historians of the Ottoman Empire.* – Режим доступа: <https://ottomanhistorians.uchicago.edu/en/historian/nestor-iskender>. Дата доступа: 27.10.2021.
22. *Stanios-Korycka E.* Zrozumieć. Bizancjum // *Res Historica.* 2016. Т. 41. S. 267–276.

БОЛГАРСКО-СЕРБСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ ВОСТОЧНАЯ СЕРБИЯ (ТИМОК И ПОМОРАВЬЕ) В ПЕРИОД СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

А. П. Сальков

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, anatsalkov@mail.ru

Болгарско-сербский национально-территориальный конфликт в Восточной Сербии характеризовался глубокими историческими корнями. Он имел две региональные локации – Тимок и Поморавье. Обе конфликтующие стороны особенно акцентировали историческую аргументацию своих прав на спорные территории, выводя ее из периода Раннего Средневековья. Этнические аргументы приобрели существенное значение лишь в период Нового времени.

Ключевые слова: болгарско-сербский спор; Восточная Сербия; Тимок; Поморавье.